Ленц вступил в литературную полемику с Николаи еще в 1775 г. В 1774 г. вышли «Страдания юного Вертера» Гете. Николаи отозвался на них язвительной сатирой, носящей название «Freuden des jungen Werthers. Leiden und Freuden Werthers des Mannes» («Радости юного Вертера. Страдания и радости Вертера-мужа»). Вслед за этим Ленц решился защитить своего друга. Уже в 1775 г. он опубликовал статью «Briefe über die Moralität der Leiden des jungen Werthers» («Письма о моральной стороне страданий юного Вертера»), глубокое толкование романа Гете современником. Ленц пытался представить актуальный смысл основной нравственной линии романа Гете и тем самым оправдать автора в глазах тех, кто «всегда приписывает ему такие конечные нравственные цели, о которых он никогда и не помышлял». Фрагмент написанного Ленцем романа в письмах (трагикомического!) «Der Waldbruder» («Лесной брат», 1776), изданный Шиллером в «Horen» в pendant к «Страданиям Вертера» в 1797 г., построен как переписка разных авторов, в которой Ленц, скорее, следует более старому стилистическому образцу — «Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо.

Очень вероятно, что Ленц повлиял на карамзинское восприятие Вертера. По крайней мере, одно беглое замечание (письмо из Лозанны от 11 сентября 1789 г.) свидетельствует о том, что Карамзин глубоко проанализировал «Вертера»: «Основание романа то же, и многие положения (situations) в Вертере взяты из Элоизы; но в нем более Натуры».[23] В 1792 г. Карамзин издал повесть «Бедная Лиза», привив таким образом России «болезнь Вертера». Сходство судеб, возраста заимствовано из «Вертера», как и мотив самоубийства.

Особенно сошлись Карамзин и Ленц на интересе к Шекспиру. Молодой русский писатель видел в немецком штюрмере несбывшуюся надежду на немецкого Шекспира. Для Карамзина, переведшего в 1786 г. «Юлия Цезаря», статья Ленца «Anmerkungen übers Theater nebst angehängten übersetzten Stück Shakespeares» (Leipzig, 1774) («Замечания о театре вместе с приложенной переводной пьесой Шекспира») имела величайшее значение, так как и он стремился к реформе литературного стиля. «Возвышенный» язык русского классицизма был вытеснен языком литературных салонов и «хорошего общества». Карамзин сумел существенно упростить стиль прозы. Поэтика русского классицизма основывалась на античной поэтике, обновленной Ренессансом. Карамзин отказался — как уже это сделал Ленц — от классической нормативной поэтики, и прежде всего от аристотелевой традиции. Поэтические нормы стали определяться требованием «естественности», т. е. верности природе.

---

[23] Там же С 150